

Н. В. Киселева

<https://orcid.org/0000-0002-9903-1370>**Пограничность образа учителя в художественной культуре XX века**

Статья посвящена анализу многогранности образа учителя в русской художественной культуре двадцатого века. Основное внимание сосредоточено на пограничности этого образа. Объектом исследования стали кинематограф и литература, поскольку именно в этих видах искусства образ учителя представлен в динамике, во взаимодействии с другими людьми. Обозначена семантика слов «учитель» и «пограничность». Источниками стали не только толковые словари, но и официальные документы («Модельный закон о статусе учителя» 2004 г.), в которых уже предопределена пограничность образа учителя на уровне функциональных должностных обязанностей (учитель-методист, учитель – классный руководитель, учитель-предметник, учитель – заместитель директора). Исследование ярославской культурологической школы концепта «пограничность» в контексте русской культуры позволили очертить направления работы. Проанализированы конкретные образы (Светлана Михайловна, Наталья Сергеевна, Илья Семенович из художественного фильма Сергея Ростоцкого «Доживем до понедельника», 1968 г.; Лидия Михайловна из рассказа Валентина Распутина «Уроки французского», 1973 г.) в определенных ситуациях взаимодействия с другими участниками образовательного процесса. В указанных произведениях рассмотрены отношения учителя с учениками (как со старшеклассниками, так и с учениками младшего подросткового возраста; как в школе, так и за ее пределами – дома), учителя с коллегами. В ходе анализа речи героев, жестов, их поведения в той или иной ситуации не только были выделены внешние грани образа учителя: учитель – ученик, учитель – администратор, учитель – классный руководитель (воспитатель), но и обозначены внутренние границы исследуемого образа: женское – мужское, взрослый – ребенок. В статье сделана попытка обозначить пограничность образа учителя на морфологическом уровне (учитель и учительница) и на уровне преподаваемого учебного предмета (все герои исследуемых произведений являются учителя гуманитарных предметов).

Ключевые слова: фильм, литература, пограничность, взаимоотношения, школа, учитель, ученик, классный руководитель, внешняя грань, внутренняя граница.

N. V. Kiseleva

The Limits of the Teacher's Image in the Art Culture of the XX century

The article is devoted to the analysis of the versatility of the teacher's image in the artistic culture of the twentieth century. The focus is on the borderline of this image. Cinematography and literature were chosen, because in these types of art that the teacher's image is represented in dynamics, in interaction with other people. The semantics of the words «teacher» and «borderline» are indicated. Support in the analysis was made on the «Explanatory Dictionary» by D. N. Ushakov, «The Modern Dictionary of the Russian Language», «The Model Law on the Status of the Teacher» in 2004, and the research of Yaroslavl culture school of the concept of «borderline» in the context of Russian culture. Specific images (Svetlana Mikhailovna, Natalia Sergeevna, Ilya Semionovich from Sergei Rostotsky's feature film «We Live to Monday», 1968, Lidia Mikhailovna from the story of Valentin Rasputin's «Lessons of the French Language», 1973) in certain situations of interaction with other participants of the educational process are analyzed. In these works, the teacher's relations with students (both with senior pupils, and with younger teenage pupils, both at school and abroad – at home), teachers and colleagues are considered. In the course of analyzing the behavior of the heroes in one or another situation, the external faces of the teacher's image are highlighted: teacher-student, teacher-administrator, teacher-class teacher (educator). In addition, the internal boundaries of the image under investigation are indicated: female – male, adult – child.

Keywords: film, literature, borderline, relationships, school, teacher, student, class teacher, external face, internal border.

Учитель всегда являлся знаковой фигурой, начиная с античности и включая XXI век. Это определенный культурный тип, который несет в себе конкретные ценности конкретного общества в конкретный исторический период. Нас будет интересовать XX век, его художественная культура, богатая произведениями, в которых создается многогранность образа учителя. Именно в этот период, на наш взгляд, пограничность образа учителя проявляется намного ярче, особенно в

советское время. В кинематографе появляются фильмы «Учитель» (1939 г., режиссер С. Герасимов), «Ключ без права передачи» (1976, режиссер Динара Асанова), «Это мы не проходили» (1976, режиссер Илья Фрез) и др. В литературе создаются такие произведения, как рассказ «Песчаная учительница» А. Платонова 1927 г., повесть Г. Щербаковой «Вам и не снилось» 1977 г., повесть Ч. Айтматова 1963 г., «Первый учитель» и др. Образ учителя представлен в про-

изведениях живописи: И. Н. Воробьевой «Первая учительница», 1957; И. Тихого «Экзамен», 1957 г.; Нормана Роквелла «День рождения учительницы», 1956 г.; Е. Чепцова «Школьные работники. Переподготовка учителей», 1925 г. и др. В городах России ставят памятники «Моя первая учительница», «Молодая учительница», «Гимн учителю» (правда, большая часть скульптурных произведений появилась в XXI в.).

Прежде чем говорить о конкретных произведениях, определим семантику слов «пограничность» и «учитель».

При определении семантики слова «пограничность» мы опирались на исследования ярославской культурологической школы. В статье «Номо Extremis русской культуры (семантика “пограничности”）」 Т. С. Злотникова и Т. И. Ерохина говорят о том, что само слово «пограничность» – «сугубо русское, не имеющего буквального перевода на другие языки» [2, с. 238] и «русский язык, отражающий ментальные и интеллектуальные реалии, предлагает две не слишком крепко связанные между собой версии пограничности: материальную (прежде всего, пространственную) и духовную (психологическую, эмоциональную, интеллектуальную)» [2, с. 239], отсюда и слова *граница*, *«грань»*, *рубеж*. Авторы статьи предлагают дополнить данную семантику еще одним словом – край, «в том числе с особым акцентом на “крайности”, которые согласно русской культурной традиции, проявляются и в декадансе, и в абсурдизме, и в постмодернизме... Экстремальность психологического состояния, пребывание на грани (границе) между жизнью и смертью, напряженность межличностных и социальных отношений – привычная характеристика российского человека» [2, с. 239].

В Толковом словаре Д. Н. Ушакова 1935–1940 гг. слово «учитель» представлено в нескольких значениях: 1. (учители устар.). Лицо, занимающееся преподаванием какого-нибудь предмета в низшей и средней школе, преподаватель, школьный работник. 2. (учители) чего. Глава, автор или распространитель какого-нибудь учения; 3. кого и чей. Тот, кто научил или учит чему-нибудь, кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-нибудь [5].

В «Современном толковом словаре русского языка» слово «учитель» имеет два значения: 1) учителя. Тот, кто преподают какой-либо учебный предмет в школе; 2) учителя. Человек, обладающий высоким авторитетом для кого-либо в

какой-либо области, имеющий последователей [4, с. 884].

Как мы видим, словари показывают учителя только как человека, передающего определенные знания, хотя второе значение из «Современного толкового словаря русского языка» можно косвенно трактовать и как учителя – воспитателя («обладающий высоким авторитетом»).

В «Модельном законе о статусе учителя», принятом на двадцать четвертом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 24–13 от 4 декабря 2004 г.), учитель – «лицо, имеющее необходимое профессиональное образование и соответствующую квалификацию, работающее в учреждениях общего, дошкольного, внешкольного образования, начального и среднего профессионального образования, выполняющее учебную, научную, методическую, воспитательную, организационную и руководящую деятельность».

В этом документе на уровне уже должностных обязанностей учитель должен иметь несколько граней: он должен быть учителем-предметником (выполняет учебную работу), учителем-методистом (занимается методической деятельностью), учителем-классным руководителем (вести воспитательную работу), учителем-заместителем директора или директором (выполнять руководящую деятельность).

Итак, мы видим, что многогранность образу учителя придает само общество, обозначая ему то пространство, в котором он должен действовать. Но это пространство поделено на определенные зоны. В каждой такой зоне учитель показывает одну из своих граней.

Школа – одно из тех самых пространств, в котором пребывает учитель. В этом пространстве есть зона взаимодействия с учениками (класс) и зона взаимодействия с учителями (учительская). Можно, на наш взгляд, выделить и зону взаимодействия с администрацией (кабинеты заместителей директоров и директора). Границами между этими зонами служат коридоры (переходы из одной зоны в другую: из класса – в учительскую, из учительской – в кабинет директора и т. д.). Это внешнее пространство. Но мы понимаем, что есть внутренне пространство самого учителя, его внутренний мир, которые тоже могут иметь свои границы.

Решение остановиться на произведениях кинематографа и литературы связано с тем, что пограничность (ключевое слово в нашем исследовании) можно проанализировать в произведении

ях, в которых образ учителя показан в развитии, динамике, во взаимодействии с другими участниками образовательного процесса (с коллегами и учениками) в зонах, обозначенных нами выше. Из кинематографа мы взяли фильм С. Росточкого «Доживем до понедельника», а из литературы – рассказ В. Распутина «Уроки французского».

Фильм «Доживем до понедельника», снятый в 1968 г. на киностудии им. М. Горького режиссером Станиславом Росточкиным, рассказывает всего-навсего о трех днях из жизни школы. Четверг, пятница и суббота наполнены напряженными взаимоотношениями между учителями и учениками, между самими учениками и самими педагогами.

Светлана Михайловна (Н. Меньшикова) – завуч, учитель литературы. Все три дня мы видим ее в одной и той же одежде (ассоциации с униформой), с пучком на голове, с прямой спиной, а руки чаще всего в карманах, голос с повышающей угрожающей интонацией в конце фразы. Открытости в этом человеке мало. Это, в первую очередь, администратор. «Это мы с Вами не можем ничего позволить и простить», – так она говорит Илье Семеновичу. Она должна владеть ситуацией, а не ситуация ею. Вспомним сцену, когда ученики 9Б класса пытались прогулять урок. Недопонимание между учителем и учениками было устранено, но... Резко открывается дверь в класс, и с дознанием входит Светлана Михайловна (без предупреждения, с желанием во всем разобраться, хотя ее никто об этом не просил):

– Ах, все-таки пожаловали. Извините, Наталья Сергеевна, я подумала, что надо помочь разобраться. В чем дело? Кому вы объявили бойкот? Садитесь, садитесь... Воспользовались тем, что завуч бюллетенит, что учительница молодая, так? Только не надо скрытничать. Никто не собирается пугать вас административными мерами. Просто я хочу знать, как вас угораздило не прийти на урок? Чья идея?

– Мы уже все выяснили. Наталья Сергеевна сама знает.

– Да. У нас уже все в порядке, Светлана Михайловна.

– Ах, вот как? У вас, значит, свои секреты и свои отношения? Ну-ну, не буду мешать... [1].

Или сцена в актовом зале. В разговоре с Ильей Семеновичем она держится свысока, не с позиции *учитель – учитель, коллеги* (время уже позднее, уроки все закончены), а с позиции *администратор – учитель*. Реальной границей между Ильей Семеновичем и Светланой Михай-

ловной служат и рояль, и проход между рядами в актовом зале школы (хотя они и сидели на одном ряду).

Вспомним урок, на котором ученики писали сочинение. Было предложено три темы: «Образ Катерины в драме Островского «Гроза», «Базаров и Рахметов» и «Мое представление о счастье»... Истинный учитель литературы приветствовал бы размышления учеников на свободную тему, свое понимание тех нравственных и философских ценностей, которые заложены в русской литературе. Но не Светлана Михайловна. То, что 24 человека из 27 написали на свободную тему, вызвало ужас у учителя. В этой сцене пограничность образа многогранна. Во-первых, мы видим границу между учителем демократичным и учителем авторитарным, который пытается всеми способами возвыситься над учениками и всеми доступными знаками показать свой статус, который лучше знает, о чем и что надо писать. Во-вторых, заявлена граница между учителем и администратором, причем именно администратор побеждает. И в-третьих, обозначена грань *учитель – воспитатель*, но, к сожалению, совсем неявно, хотя, на наш взгляд, является главной в триаде *учитель – администратор – воспитатель*, поскольку Светлана Михайловна – учитель литературы, а уроки литературы должны быть обращены к эмоциональной, интеллектуальной, творческой, художественной, ценностно-мировоззренческой и духовно-нравственной личности школьника.

Обратимся к сцене в учительской. Светлана Михайловна предлагает Наталье Сергеевне (или просто Наташе и на «ты»), все-таки бывшая ученица) посмотреть, как ее сегодня «порадовали» ученики 9Б класса. И вот это движение – она не отдает лично в руки листы с сочинением, а небрежно перебрасывает их через стол. Причем ее (опять же!) не интересует мнение Натальи Сергеевны, так как разный у них «опыт и разные нравственные принципы». Пока Наташа читала сочинение, Светлана Михайловна увидела то, что может увидеть не столько учитель, сколько женщина:

– Счастливая ты, Наташа.

– Я? Да, дальше некуда. Вы знаете...

– Я знаю, девочка... знаю... Только с ребенком не затягивайте... у учителей это всегда проблема. Эта принцесса... в общем-то права. Хотя не ее ума это дело. Да-да. А то придется разбираться только в чужом счастье. Тут оно у меня... 24-х сортов... на любой вкус. Две Катерины, один Базаров. А все остальное о счастье. Ты иди [1].

Светлана Михайловна будто испугалась того, что приоткрыла себя со стороны, с которой ее никто не видел: со стороны человека, способного переживать. Маленькая деталь, но показанная крупным планом, – глаза, наполненные слезами, тот самым «душевный стриптиз». Несчастливая, страдающая женщина, которая не умеет жить полноценно. На наш взгляд, эмоциональный порыв, который обнажил в учителе женское начало, был подавлен жестким управленцем – завучем. И вот она эта незаметная внутренняя граница «мужского» и «женского». То, что «мужское» начало доминирует, подчеркивается и самим образом: как мы уже говорили, Светлана Михайловна на протяжении фильма одета в одну и ту же одежду, на голове неизменный пучок (волосы гладко зачесаны, ни одной волосинки не выбивается), прямая спина, жесткий голос.

Наталья Сергеевна (И. Печерникова) – учитель английского языка, молодой учитель, который только-только начинает работать в школе. У нее еще нет опыта, поэтому она совершает естественные для начинающего учителя ошибки.

Обратимся к сцене с вороной. В класс «случайно» попадает ворона. Естественно, весь класс пытается ее поймать. К этому подключается и Наталья Сергеевна. Все ее дальнейшие действия – это действия, по сути, ученицы, а не учителя. Она ведет себя как ученица: взбирается на стул, пытается уговорить ворону: «Ну, иди ко мне, иди ко мне. Ну я сейчас тебе хлебушка дам. На тебе беленького, на тебе черненького, ну иди, ну иди, иди, иди» [1].

При появлении своего бывшего учителя, а в настоящем – коллеги оправдывается, как ученица: «Я давала урок, и вдруг летит. Я не выясняла, кто ее принес. А, может, она сама?» [1].

Фраза, брошенная Шестопаловым («А правда, что вы у него учились?» [1]), как бы приводит в чувство Наталью Сергеевну, и она бросается за Ильей Семеновичей, обвиняя его в том, что он не помог ей как коллега. Слова Ильи Семеновича: «Не давайте им садиться себе на голову. Держите дистанцию, чтобы потом не плакать» [1] – опять моментально меняют учительницу. Она примеряет на себя роль авторитарного учителя, жесткого: выбросила ворону, накрытую тряпкой в окно с третьего этажа, выгнала с урока учеников. Границей такого преобразования служит дверь в класс: вышел один человек, зашел другой. И ведь очень метко ученики подмечают, ради кого и чего произошли эти изменения: «А ты не сюда, ты Илье Семеновичу ее подари. Пусть он видит, ка-

кие для него жертвы делаются» [1], – говорит Рита Черкасова. Преобразования, которые произошли с учителем, до этого находившегося почти на одном уровне с учениками (здесь и возрастная граница небольшая – 4–5 лет, и профессиональная – опыта учителя как такого пока нет), выделяют границу *учитель – ученик*. Это подмечают ученики: «Ребятки, нам подменили учительницу. У нас же была веселая чудесная девушка». На что следует ответ: «Я вам не девушка». В этих словах мы ощущаем желание Натальи Сергеевны подчеркнуть свое место и свою роль в этом классе – учителя. Но какого? «Аракчеев в юбке», «так вы одна останетесь» – не намек ли это на Светлану Михайловну?

С Натальей Сергеевной связана еще одна грань, явная, не скрытая, как у Светланы Михайловны: грань между «мужским» и «женским» началом в учителе. Ученики это на подсознательном уровне уже отметили. Нет в Наталье Сергеевне жесткости, присущей Светлане Михайловне. Слишком женственна учитель английского языка. На это накладывает отпечаток не только сам предмет – иностранный язык, что всегда ассоциировался с образом тайны, неизвестности (в произведении В. Распутина французский язык станет критерием женственности для рассказчика), но и влюбленность Натальи Сергеевны в Илью Семеновича.

Учитель истории, фронтовик, интеллигент *Илья Семенович Мельников (В. Тихонов)*. Уже в этом мы видим сложность образа. К этому можно еще добавить роль классного руководителя 9Б класса. Ему как учителю не просто, сложно во взаимоотношениях с учениками. Он держит границу *учитель – ученик*, не заигрывает с учениками, как это пытается делать Наталья Сергеевна, но и не возвышается над ними, как Светлана Михайловна. Он немногословен с коллегами. Да он и с ними ведет себя как с учениками: держит дистанцию, может отругать (сцена в учительской с учителем начальных классов Таисией Николаевной). Но тем не менее его уважают и ученики, и учителя. Он чутко воспринимает все, что происходит вокруг, не любит фальши, но самому приходится завышать отметку (поставил три ученику, вызвал мать в школу). Он пытается научить учеников видеть историческую картину мира, размышлять, дискутировать, а не произносить только то, что написано в учебнике. Здесь напрашивается параллель со Светланой Михайловной, которая хотела бы, чтобы сочинения были написаны про счастье Катерины и Базарова.

Для Ильи Семеновича быть учителем – это не просто должность, работа, за которую он получает деньги, это призвание, что, в свою очередь, стирает грань между учителем и воспитателем (по Выготскому обучение и воспитание неотделимы друг от друга). И как только эта граница, грань начинает появляться, когда учитель перестает быть воспитателем, а воспитатель – учителем, надо уходить с работы, потому что пострадают, в первую очередь, дети. Так считал Илья Семенович. Показательна в этом сцена в кабинете директора. Илья Семенович просит отпуск.

– Если нельзя, так освобождай совсем, к чертовой матери.

– Куда же ты пойдешь, интересно? Крыжовник выращивать? Мемуары писать?

– Пойду в музей, экскурсоводом.

– А там, думаешь, экспонаты не меняются?

– Меняются.

– Так какого же рожна?

– Там меня слушают случайные люди, раз в жизни придут и уйдут. А тут...

– Меня твои объяснения не устраивают.

– А учитель, который перестал быть учителем, тебя устраивает?

– Как это перестал?

– Сеять... разумное, доброе, вечное... А вырастает белена с чертополохом.

– Хватит, давай без аллегии. Все это мура, Илюша, ну кто у нас учитель, если не ты и кто ты, если не учитель? [1]

Важно, что именно герой В. Тихонова показан в домашней обстановке, во взаимоотношении с родными – мамой. Тот груз забот, который обычно тяготит учителя, учителя-идеалиста, каким является по своей сути Илья Семенович, тяготит вдвойне. Он так же немногословен с мамой, как и со своими коллегами. Единственно, что выдает в нем сына, снятый пиджак и отсутствие очков.

Илья Семенович, наверное, один из тех образов, в котором сложно выделить определенные внешние границы. Пограничность образа учителя, созданная В. Тихоновым в фильме, внутренняя.

Обратимся к литературному образу учителя, созданному **В. Распутиным в произведении «Уроки французского»**. Это программное произведение из курса литературы на уровне основного общего образования (7 класс).

Лидия Михайловна, учительница французского языка, классный руководитель, которая интересовалась детьми «больше других учителей, и скрыть от нее что-либо было трудно. Она входила,

здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания» [3]. В том, как ее описывает герой, подчеркивается одна из граней образа учителя – в первую очередь, это классный руководитель, воспитатель, а не учитель-предметник.

Еще одна важная деталь... Учитель – женщина (в тексте это особо выделено самим словом «учительница»), и вот женственность во всем облике Лидии Михайловны замечается и подчеркивается рассказчиком в первую очередь, а уже как учитель – во вторую. «Она сидела передо мной аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от нее, который я принимал за самое дыхание» [3]. Особый отпечаток на образ учителя оказывает и тот предмет, который он преподает, в данном случае – французский язык (для рассказчика «загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому...») [3]. Стоит обратить внимание и на то, что учитель показан в домашней обстановке, «в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях» [3].

В ней не было жесткости, которая, как отмечает герой, «становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре» (сразу вспоминается Светлана Михайловна из «Доживем до понедельника» с 20-летним стажем работы).

Можно выделить и еще одну грань образа учителя – это *взрослый – ребенок*. Она сама в этом признается: «А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь еще хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестает быть ребенком» [3]. Показательной является сцена игры в пристенок, или замеряшки: «били, опускались на колени, ползали, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимаясь на ноги...», «играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня – одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой прикрикнуть» [3].

Пространство школы, в котором действуют учителя из кинофильма «Доживем до понедель-

ника», переходит в пространство дома (главные события из рассказа В. Распутина происходят именно там). И если внешние границы образа учителя (учитель – ученик, учитель – классный руководитель, учитель – администратор) проявляются в школе, то внутренние ярче всего представлены дома (взрослый – ребенок).

Стоит заметить, что чаще всего в кинематографе и в литературе показан пограничный образ учителя гуманитарных предметов.

Таким образом, пограничность – это неотъемлемая черта образа учителя, и проявляется она как внешняя граница между учителем и администратором, учителем и учеником, авторитарностью и демократичностью, в то же время это внутренняя грань между взрослым и ребенком, мужским и женским началом.

Библиографический список

1. «Доживем до понедельника [Видеозапись] / реж. С. Ростоцкий; в ролях В. Тихонов, Н. Меньшикова, И. Печерникова. Центральная киностудия детских и юношеских фильмов им. М. Горького. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8xEZWKekhFs> Дата обращения 8.07.18

2. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И. Homo Extremis русской культуры (семантика «пограничности») [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 238–245.

3. Распутин, В. Уроки французского [Электронный документ] / В. Распутин // Библиотека СЕРАНН. –

URL: <http://www.serann.ru/text/uroki-frantsuzskogo-9306>. Дата обращения 8.07.18.

4. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – М. : Riderz Дайджест, 2004. – 960 с.

5. Толковый словарь Ушакова [Электронный htcehc]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=81806> Дата обращения 8.07.18.

Reference List

1. «Dozhivem do ponedel'nika = «We will live till Monday [Videozapis'] / rezh. S. Rostockij : v roljah V. Tihonov, N. Men'shikova, I. Pechernikova. Central'naja kinostudija detskih i junosheskih fil'mov im. M. Gor'kogo. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8xEZWKekhFs> Data obrashhenija 8.07.18

2. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I. Homo Extremis russkoj kul'tury (semantika «pogranichnosti») = Homo Extremis of the Russian culture (semantics of «frontier») [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 3. – S. 238–245.

3. Rasputin, V. Uroki francuzskogo = French lessons [Jelektronnyj dokument] / V. Rasputin // Biblioteka SERANN = SERANN library. – URL: <http://www.serann.ru/text/uroki-frantsuzskogo-9306>. Data obrashhenija 8.07.18.

4. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Modern explanatory dictionary of Russian [Tekst] / gl. red. S. A. Kuznecov. – M. : Riderz Dajdzhest, 2004. – 960 s.

5. Tolkovij slovar' Ushakova = Explanatory dictionary by Ushakov [Jelektronnyj dokument]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=81806> Data obrashhenija 8.07.18.